

Научная статья

УДК 343.265

doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.009

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: современные проблемы правового регулирования и пути их решения

КАМО КАМОЕВИЧ ГАРИБЯН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Россия
kamo.garibyan@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7547-3641>

Реферат

Введение: статья посвящена всестороннему анализу института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания как ключевого инструмента индивидуализации уголовного наказания и достижения целей исправления, ресоциализации осужденных и профилактики рецидива. *Цель:* выявление проблем правового регулирования и правоприменения института условно-досрочного освобождения в условиях современной уголовной политики, а также обоснование предложений по его совершенствованию с учетом зарубежного опыта. *Методы:* формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический анализ; теоретические методы формальной и диалектической логики; метод толкования правовых норм. *Результаты:* на основании анализа динамики удовлетворения ходатайств об условно-досрочном освобождении за 2001–2024 гг., а также конкретных примеров из судебной практики фиксируется тенденция к ужесточению требований к осужденным при решении вопроса об условно-досрочном освобождении, учету критериев стабильности поведения, дисциплинарных взысканий и возмещения ущерба. Особое внимание уделено отсутствию единых и четко сформулированных критериев оценки степени исправления осужденного, а также «достаточности» частичного возмещения вреда, причиненного преступлением, для положительного решения рассматриваемого вопроса. *Выводы:* предлагается законодательное закрепление основных и дополнительных критериев с учетом положительного опыта применения в Китайской Народной Республике и Республике Корея балльной системы оценки поведения осужденных в период отбывания наказания. С учетом позитивного опыта применения института условно-досрочного освобождения в Республике Казахстан обсуждается вопрос о целесообразности дифференциации сроков повторного применения данной меры в отношении лиц, которым условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 79 УК РФ. Сделан вывод о необходимости системной реформы рассматриваемого института, направленной на повышение прозрачности и справедливости судебных решений, развитие стимулирующего потенциала наказания и усиление доверия к данному поощрительному институту у общества и потерпевших.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; критерии степени исправления; стимулирование правопослушного поведения; возмещение причиненного вреда; судебная практика применения условно-досрочного освобождения; основания применения условно-досрочного освобождения; индивидуализация наказания; достижение целей наказания.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Гарибян К. К. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: современные проблемы правового регулирования и пути их решения // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 69–77. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.009.

Release on Parole: Current Problems of Legal Regulation and Solution Ways

KAMO K. GARIBYAN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russia
kamo.garibyan@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7547-3641>

Abstract

Introduction: the article is devoted to comprehensive analysis of the institution of parole as a key tool for individualizing criminal punishment and achieving goals of correction, rehabilitation of convicts and prevention of recidivism. *Purpose:* to identify problems of legal regulation and enforcement of the institution of parole in the context of modern criminal policy, as well as to substantiate proposals for its improvement, taking into account foreign experience. *Methods:* formal legal, comparative legal and statistical analysis; theoretical methods of formal and dialectical logic; method of interpretation of legal norms. *Results:* based on the analysis of the dynamics of satisfying applications for parole in 2001–2024, as well as specific examples from judicial practice, there is a tendency to tighten the requirements for convicts when deciding on parole, taking into account the criteria of stability of behavior, disciplinary penalties and compensation for damages. Particular attention is paid to a lack of uniform, clearly formulated criteria for assessing the degree of correction of a convicted person, as well as the “sufficiency” of partial compensation for damage caused by a crime for a positive solution to the issue under consideration. *Conclusion:* the legislative consolidation of the main and additional criteria is proposed, taking into account the positive experience of using the point system for assessing the behavior of convicts while serving their sentences in the People’s Republic of China and the Republic of Korea. Taking into account the positive experience of applying the institution of parole in the Republic of Kazakhstan, the author discusses an issue of the expediency of differentiating terms of repeated application of this measure in relation to persons whose parole has been canceled on the grounds provided for in Part 7 of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that a systemic reform of the institution in question is necessary, aimed at increasing the transparency and fairness of judicial decisions, developing the stimulating potential of punishment and strengthening trust in this incentive institution among society and victims.

Key words: release on parole; criteria for the degree of correction; promotion of law-abiding behavior; compensation for the harm caused; judicial practice of applying release on parole; grounds for applying release on parole; individualization of punishment; achievement of punishment goals.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Garibyan K.K. Release on parole: current problems of legal regulation and solution ways. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 1 (73), pp. 69–77. doi 10.46741/2686-9764.2026.73.1.009.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания представляет собой один из ключевых институтов в системе уголовно-исполнительного законодательства, играющих значительную роль в достижении целей наказания. Его применение направлено на обеспечение реального исправления осужденного и создание условий для успешной социальной адаптации после освобождения. В современной правоприменительной практике условно-досрочное освобождение рассматривается как наиболее эффективный механизм позитивного воздействия, способствующий формированию у осужденных устойчивой установки на правопослушное поведение и снижение риска рецидива.

Рассматриваемый институт предполагает возможность прекращения реального отбывания наказания до истечения назначенного срока при соблю-

дении предусмотренных законом условий. Правовые основания применения закреплены в ст. 79 УК РФ, где изложены как материальные, так и формальные критерии. Материальное основание выражается в признании судом того, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также полностью или частично возместил вред, причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. Формальным основанием является фактическое отбытие определенной части срока наказания, размер которой варьируется в зависимости от категории совершенного преступления: от одной трети до четырех пятых, но не менее шести месяцев, а в случае пожизненного лишения свободы – не менее 25 лет.

С течением времени институт условно-досрочного освобождения претерпел значительные изме-

нения, превратившись из общей правовой нормы в детализированный и гибко регулируемый механизм индивидуализации исполнения наказания. Эволюция ст. 79 УК РФ отразила стремление законодателя учитывать не только степень исправления и правоопослушное поведение осужденных, но и их потенциальную общественную опасность. Данный институт вы-

полняет важную роль в обеспечении баланса между принципами гуманизма и необходимостью защиты общества от повторной преступности.

Представляется целесообразным привести статистические данные динамики применения института условно-досрочного освобождения с 2001 по 2024 г. (табл. 1) [1].

Таблица 1

Динамика применения института условно-досрочного освобождения с 2001 по 2024 г.

Год	Количество поданных ходатайств об условно-досрочном освобождении	Количество удовлетворенных ходатайств об условно-досрочном освобождении	Доля удовлетворенных ходатайств об условно-досрочном освобождении
2001	138 320	131 484	95,1
2002	158 213	151 349	95,6
2003	166 645	154 693	92,8
2004	207 208	176 735	85,3
2005	173 144	133 420	77,1
2006	181 391	129 589	71,4
2007	194 176	132 880	68,4
2008	193 736	124 718	64,4
2009	205 473	121 616	59,2
2010	207 383	118 625	57,2
2011	190 822	107 543	56,4
2012	174 854	89 907	51,4
2013	142 128	65 237	45,9
2014	132 358	54 504	41,2
2015	117 197	46 331	39,5
2016	122 552	55 217	45,1
2017	112 581	53 804	47,8
2018	99 646	49 292	49,5
2019	92 545	45 387	49,0
2020	83 147	38 912	46,0
2021	69 302	29 759	42,0
2022	65 911	27 002	40,0
2023	51 279	20 703	40,0
2024	37 562	14 590	38,0

Анализ статистических данных демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению как общего числа ходатайств, так и доли удовлетворенных. Эта тенденция представляет собой не только количественное изменение, но и имеет существенное правовое значение, поскольку позволяет выявить особенности реализации правового института в современной правоприменительной практике, а также раскрывает характер оснований, лежащих в основе принятия решений об условно-досрочном освобождении.

Зафиксированное снижение обусловлено совокупностью объективных и субъективных факторов. К числу объективных следует отнести сокращение численности осужденных, общее снижение криминальной активности, а также совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Среди субъективных факторов выделяется изменение правоприменительных подходов самих судов, заключающееся в формализации требований к исправлению осужденных, акцентированном внимании к наличию дисциплинарных взысканий, а также в

усилении требований к полноте возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Кроме того, дополнительными причинами снижения числа удовлетворенных ходатайств является изменение порядка их подачи в соответствии с федеральным законом от 08.12.2003 № 161-ФЗ (ч. 1 ст. 175 УИК РФ), а также сохраняющийся высокий уровень рецидива среди условно-досрочно освобожденных, что оказывает непосредственное влияние на судебную практику и предопределяет более осторожный подход судов к применению условно-досрочного освобождения [2, с. 78].

Таким образом, выявленная статистическая динамика свидетельствует не только о количественных изменениях, но и о значительных качественных изменениях в подходах к реализации поощрительного института. Сокращение доли удовлетворенных ходатайств отражает общую тенденцию к ужесточению требований к доказательствам исправления осужденных. В сложившихся условиях объективно возрастает необходимость системного пересмотра кри-

териев и условий применения условно-досрочного освобождения для эффективного достижения целей наказания.

Анализ статистических данных о количестве лиц, ранее освобожденных условно-досрочно от отбы-

вания наказания, вновь привлеченных к уголовной ответственности в 2020 г. – 1 полугодие 2025 г., демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению как абсолютного числа таких лиц, так и их доли в общем объеме осужденных (табл. 2) [3].

Таблица 2

*Рецидивная преступность среди условно-досрочно освобожденных
(2020 г. – 1 полугодие 2025 г.)*

Год	Всего осуждено лиц	Из них	
		ранее были освобождены условно-досрочно от отбывания наказания	% от общего количества осужденных
2020	530 998	15 947	3
2021	565 317	15 064	2,7
2022	578 774	13 036	2,3
2023	555 742	11 013	2
2024	512 845	8 361	1,6
1 полугодие 2025	215 749	3 047	1,4

Следует отметить, что в соответствии со ст. 79 УК РФ, основополагающим критерием для применения условно-досрочного освобождения является вывод суда о том, что осужденный не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. Вместе с тем в правоприменительной практике сформировался устойчивый перечень фактических обстоятельств, которые используются судами для обоснования выводов об исправлении: отсутствие взысканий, наличие поощрений, участие осужденного в труде, обучение, полное или частичное возмещение ущерба, а также положительные характеристики от администрации исправительного учреждения. Однако анализ судебной практики последних лет показывает, что даже при наличии указанных положительных характеристик суды нередко отказывают в удовлетворении ходатайств, ссылаясь на «нестабильность» поведения либо на его «неустойчивый» характер, а порой и на «преждевременность» условно-досрочного освобождения.

Приведем пример из судебной практики. Так, судом при рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении были учтены положительные характеристики личности осужденного, в том числе наличие поощрений и фактическое отбытие более двух третей назначенного срока лишения свободы. Несмотря на это, в удовлетворении ходатайства было отказано на основании довода о преждевременности применения института условно-досрочного освобождения, мотивированного тем, что цели социальной справедливости не достигнуты, а также отсутствуют достаточные основания полагать, что осужденный не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. Однако при таком выводе суд не сослался на конкретные обстоятельства, свидетельствующие о неготовности лица к освобождению и наличии риска совершения повторного преступления, чем нарушил требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ, обязывающей мотивировать принимаемые решения. Впоследствии Пятый кассационный суд общей юрисдикции в своем постановлении от 19.08.2024 № 77-1092/2024 отменил судебные акты первой и апелляционной инстанций, указав на необо-

снованность отказа в применении условно-досрочного освобождения в отношении К., что подчеркивает необходимость соблюдения принципов законности, обоснованности и индивидуального подхода при принятии решений по вопросам условно-досрочного освобождения.

Примеры из судебной практики иллюстрируют сложность подходов к оценке степени исправления осужденного при рассмотрении ходатайств. Например, наличие у осужденного взыскания, погашенного в установленном порядке, само по себе не может свидетельствовать о необходимости его дальнейшего отбывания наказания. При решении вопроса о применении условно-досрочного освобождения требуется учитывать совокупность обстоятельств: тяжесть и характер нарушения, единичность или систематичность проступка, срок, прошедший с момента взыскания, поведение осужденного за весь период отбывания наказания.

Так, при рассмотрении ходатайства Н. об условно-досрочном освобождении суд отказал в удовлетворении, сославшись на заключение психолога о «низкой вероятности рецидива», что было истолковано как проявление «некоторой поведенческой нестабильности», а также на факт ранее наложенного взыскания в виде выговора. При этом судом не были учтены положительные характеристики осужденного, подтвержденные 13 поощрениями за добросовестное отношение к труду и активное участие в общественной жизни исправительного учреждения. Также не были приведены данные, объективно свидетельствующие о его негативных качествах или отсутствии признаков ресоциализации. Несмотря на положительную характеристику Н. и отсутствие конкретных доказательств его общественной опасности, суд пришел к необоснованному выводу о недостаточной степени исправления. Кассационный суд общей юрисдикции определением от 19.08.2021 № 77-3061/2021 отменил решения нижестоящих судов, указав на неполноту оценки обстоятельств, значимых для рассмотрения ходатайства. Ситуация подтверждает необходимость

обеспечения единообразия судебной практики и выработки четких критериев для оценки исправления осужденных при применении условно-досрочного освобождения.

В условиях современного развития уголовно-исполнительной системы заслуживает особого внимания практика внедрения балльной системы оценки поведения осужденных, реализованная в Китайской Народной Республике, а также в Республике Корея. Данная система функционирует как инструмент обеспечения прозрачности и объективности в принятии решений об условно-досрочном освобождении [4, с. 526]. Она предполагает всесторонний анализ поведения осужденных, охватывающий как положительные проявления (участие в трудовой и образовательной деятельности, соблюдение режима), так и негативные (дисциплинарные проступки), создавая сбалансированную модель учета допущенных нарушений, а также поощрений и взысканий.

Следует отметить, что поправки № 8 к Уголовному кодексу КНР от 25.02.2011 значительно расширили правовое содержание института условно-досрочного освобождения, установив необходимость учитывать потенциальное влияние условно-досрочно освобожденного на общество, а также предусмотрели усиление мер общественного надзора как элемента постпенитенциарного контроля [5, с. 135]. В этом контексте особое внимание китайское уголовное законодательство уделяет предупреждению рецидива: например, возможность применения условно-досрочного освобождения исключена в отношении рецидивистов, лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, виновных в тяжких насильственных преступлениях с гибелью потерпевших, а также в случае отсутствия возмещения ущерба, причиненного преступлением.

С 1 октября 2021 г. в КНР введена новая балльная модель, регламентированная Положением о тюремной системе оценки осужденных [6]. Это нормативное положение закрепляет систему комплексной оценки поведения в период отбывания наказания, основанную на совокупности как юридических, так и морально-нравственных критериев. В их числе – соблюдение внутреннего режима, дисциплины, подчинение требованиям администрации, участие в реабилитационных программах, выражение раскаяния и готовности к исправлению. Значимым элементом системы остается трудовая деятельность: при этом учитываются как объемы и качество труда, так и степень вовлеченности осужденного в производственный процесс, освоение профессиональных навыков и соблюдение норм трудовой дисциплины.

Помимо этого, балльная система охватывает широкий круг дополнительных аспектов, включая активную гражданскую позицию (предотвращение преступлений, сотрудничество с администрацией), участие в культурно-просветительских, спортивных и воспитательных мероприятиях, проявление уважения к сообществу и семье, соблюдение санитарно-гигиенических норм и даже инициативу в сфере технологических разработок. Таким образом, формируется не просто оценка правомерного поведения,

а целостный портрет личности, ориентированной на соблюдение общественных ценностей, дисциплины и социальной полезности.

Существующая в Российской Федерации практика применения института условно-досрочного освобождения в деятельности судов и администраций исправительных учреждений сталкивается с рядом проблем методологического и правоприменительного характера. Одна из ключевых трудностей заключается в отсутствии нормативно закрепленных, четко структурированных и универсальных критериев, на основании которых можно объективно установить, что осужденный достиг степени исправления, позволяющей ему не отбывать наказание в полном объеме. Такое положение дел создает значительную вариативность в судебной практике, снижает прозрачность и предсказуемость решений, а также ослабляет стимулирующий потенциал института условно-досрочного освобождения.

В этой связи заслуживает внимания позитивный опыт Китайской Народной Республики, где применяется комплексная балльная система оценки поведения осужденных, основанная на совокупности определенных критериев. Учитывая этот подход, целесообразно нормативно закрепить в российском уголовно-исполнительном законодательстве перечень критериев, обязательных для оценки степени исправления лица, претендующего на условно-досрочное освобождение. Предлагается дифференцировать данные основания на две группы: основные и дополнительные критерии.

К числу основных критериев, подлежащих учету, относятся:

- соблюдение осужденным установленного режима и порядка отбывания наказания, в том числе отсутствие нарушений дисциплины;
- полное либо частичное возмещение причиненного преступлением вреда, что свидетельствует о признании ответственности за совершенное деяние и стремлении к восстановлению социальной справедливости;

Дополнительные критерии могут включать:

- позитивную динамику в отношении осужденного к ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации: активное участие в трудовой и учебной деятельности, восстановление или поддержание социально значимых связей, вовлеченность в воспитательные мероприятия и иные формы конструктивного поведения;
- выраженное раскаяние в содеянном, признание вины и принятие справедливости назначенного судом наказания;
- отношение осужденного к психофизической коррективке своей личности (прохождение психологического тестирования);
- отношение к лечению осужденных, страдающих социально опасными заболеваниями (венерические заболевания, туберкулез, наркомания, алкоголизм и т. п.), расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости;
- сообщение, пресечение или разоблачение незаконных (преступных) действий других лиц либо

иная помощь в раскрытии побегов и иных преступлений.

Вышеуказанные критерии рационально закрепить в УИК РФ, дополнив ст. 9 ч. 2.1 «Критерии оценки степени исправления осужденного».

На основании вышеизложенного, а также с учетом зарубежного опыта применения института условно-досрочного освобождения, принимая во внимание проблемы, возникающие у правоприменителя при решении данного вопроса, конкретизация и расширение критериев материального основания условно-досрочного освобождения позволят повысить обоснованность принимаемых решений, обеспечат их справедливость и будут способствовать эффективному функционированию рассматриваемого института как элемента индивидуализации наказания и средства ресоциализации осужденных.

В мае 2014 г. в ч. 1 ст. 79 УК РФ было введено требование полного или частичного возмещения ущерба при условно-досрочном освобождении. Е. Н. Карбанова справедливо отмечает, что это нововведение направлено на восстановление социальной справедливости и смягчение последствий преступления для потерпевшего, включая снижение моральных страданий [6, с. 92]. Ранее это условие было лишь рекомендательной нормой и не имело обязательного характера. Законодательное закрепление возмещения ущерба придало норме обязательный, императивный статус, исключив возможность произвольного толкования со стороны судов и иных органов. В противном случае законодательная цель обеспечения приоритета интересов потерпевшего над интересами осужденного при применении условно-досрочного освобождения утратит реальное содержание и будет сведена к формальности [7, с. 132].

Поддерживая мнение А. И. Дроздова и А. В. Орлова о важности закрепления данного условия как эффективного стимула к возмещению вреда, необходимо отметить, что правоприменительная практика все еще сталкивается с рядом нерешенных вопросов. Во-первых, отсутствует четкий критерий достаточности частичного возмещения ущерба, во-вторых неясно, с какого момента осужденный может обращаться с ходатайством об условно-досрочном освобождении при частичном возмещении. Также вызывает беспокойство возможность субъективного отказа суда, особенно при негативном отношении потерпевшего к досрочному освобождению осужденного [8, с. 143].

Согласно п. 1 и 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» при рассмотрении ходатайства об УДО суд должен применять индивидуальный подход и учитывать объективные обстоятельства, подтверждающие стремление возместить вред. При этом даже частичное погашение ущерба по объективным причинам не должно автоматически препятствовать применению условно-досрочного освобождения.

Анализ приведенных положений позволяет сделать вывод о сохраняющейся как на уровне зако-

нодательного регулирования, так и в правоприменительной практике неопределенности в вопросах установления критериев достаточности частичного возмещения ущерба, причиненного преступлением, а также оценки мер, предпринимаемых осужденным для его компенсации. Характерным примером указанной проблемы является ситуация, при которой, сославшись на незначительный объем возмещения причиненного вреда, суд первой инстанции не дал надлежащей правовой оценки факту завершения исполнительного производства судебным приставом-исполнителем и возврата исполнительного листа взыскателю. При этом в судебном решении отсутствовали мотивированные выводы о том, каким образом данные обстоятельства могли бы препятствовать применению условно-досрочного освобождения. При этом следует подчеркнуть, что ни мнение прокурора, ни позиция потерпевшего сами по себе не могут квалифицироваться в качестве самостоятельных оснований для отказа в предоставлении осужденному права на условно-досрочное освобождение. Данный вывод подтверждается и позицией Третьего кассационного суда общей юрисдикции, изложенной в постановлении от 25.05.2021 по делу № 77-10891/2021, которым были отменены соответствующие судебные акты первой и апелляционной инстанций. В постановлении кассационной инстанции справедливо отмечено, что при рассмотрении ходатайства осужденного П. судом фактически не была дана надлежащая оценка представленным доводам о состоянии здоровья, признании вины, намерении продолжать погашение морального вреда в случае освобождения. Кроме того, суд не обосновал, по каким причинам эти обстоятельства в совокупности с другими положительными характеристиками личности осужденного не могли быть признаны достаточными для принятия решения о применении условно-досрочного освобождения.

Показательным является и другой пример из судебной практики. Отказывая в удовлетворении ходатайства осужденного Б. об условно-досрочном освобождении, суд сослался на частичное возмещение причиненного преступлением вреда, оставив без должного внимания обстоятельства, подтверждающие принятие осужденным мер, направленных на выплату ущерба потерпевшим. Между тем в силу абз. 2 п. 7 Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8, если в ходе судебного разбирательства установлено, что осужденный предпринимал усилия по возмещению ущерба, однако по объективным причинам вред был компенсирован лишь частично, данное обстоятельство не может служить самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении ходатайства о применении условно-досрочного освобождения или замене наказания более мягким. Вместе с тем суд первой инстанции не только проигнорировал эти разъяснения, но и не привел в постановлении мотивированных выводов о причинах признания указанных обстоятельств недостаточными. Впоследствии данные судебные акты были отменены постановлением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от

03.08.2023 № 77-3282/2021, в котором прямо указано на отсутствие у суда первой инстанции обоснованных суждений относительно мер, предпринятых осужденным Б., а также убедительных аргументов, объясняющих, почему эти обстоятельства не могли быть учтены в пользу применения условно-досрочного освобождения.

Следует обратить особое внимание на одно из ключевых обстоятельств, непосредственно связанных с вопросом возмещения вреда как элемента оценки обоснованности применения условно-досрочного освобождения. Принципиально важно учитывать, что возмещение должно быть прямо сопряжено с тем ущербом, который был причинен потерпевшему в результате совершенного преступления. Наличие у осужденного иных долговых обязательств, не связанных с преступлением, не может расцениваться в качестве доказательства его уклонения от выполнения обязательств перед потерпевшим.

Данный подход наглядно подтверждается конкретным примером из судебной практики. Так, основанием для отмены судебных актов первой и апелляционной инстанций послужил в числе прочего вывод о наличии у осужденного, признанного виновным в убийстве, исполнительных производств, возбужденных в связи с неисполнением алиментных обязательств. Однако кассационная инстанция обоснованно указала на то, что невыплата алиментов не может рассматриваться как фактор, свидетельствующий о неисполнении обязательств по возмещению вреда, причиненного именно преступлением, за которое лицо отбывало наказание. В связи с этим Первый кассационный суд общей юрисдикции постановлением от 02.03.2023 № 77-951/2023 отменил ранее вынесенные судебные акты и направил дело на новое рассмотрение.

Вышеуказанный правовой пробел обуславливает сохранение в научной литературе дискуссионности относительно критериев оценки достаточности частичного возмещения вреда, причиненного преступлением, для целей условно-досрочного освобождения. Особенно острая проблема неопределенности проявляется в делах о преступлениях экономической направленности, где причиненный материальный ущерб зачастую многократно превышает аналогичные показатели по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях против личности, включая преступления террористического характера.

Таким образом, анализ действующей судебной практики и законодательства позволяет выявить существенную проблему, связанную с отсутствием четких критериев оценки достаточности частичного возмещения вреда, причиненного преступлением, при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении. В настоящий момент нормы ст. 79 УК РФ устанавливают лишь общее требование о полном или частичном возмещении ущерба, оставляя оценку достаточности указанного условия на усмотрение суда. Вместе с тем как в правоприменительной практике, так и в научной литературе неоднократно отмечалась неоднородность подходов судов по данному вопросу.

Для преодоления указанной неопределенности целесообразно внести изменения в Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8 от 21.04.2009, направленные на формирование единообразной практики, дополнив п. 7 положением следующего содержания: «При решении вопроса о применении условно-досрочного освобождения суду необходимо исходить из совокупности обстоятельств, подтверждающих стремление осужденного к возмещению вреда, причиненного преступлением. При этом достаточность частичного возмещения вреда определяется с учетом следующих критериев:

- соотношение суммы фактически возмещенного ущерба с общей суммой ущерба, установленной судебным решением;
- объективные причины невозможности полного возмещения вреда на момент рассмотрения ходатайства (например, тяжелое материальное положение, инвалидность, отсутствие трудоспособности);
- наличие либо отсутствие действий, свидетельствующих о намерении осужденного уклониться от исполнения обязанности по возмещению вреда;
- регулярность и систематичность платежей, а также добровольность предложенных осужденным мер по возмещению ущерба (например, заключение соглашения с потерпевшим о графике погашения);
- наличие официальных данных о закрытии исполнительного производства по причинам, не зависящим от осужденного.

Неполное возмещение вреда, обусловленное объективными причинами, при наличии подтвержденных сведений о принятии осужденным разумных мер к исполнению обязанности по возмещению ущерба, само по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении.».

Введение такого разъяснения будет способствовать достижению одних из целей института условно-досрочного освобождения – стимулированию осужденных к активному участию в возмещении вреда потерпевшему и в целом достижению целей наказания. Кроме того, закрепление указанных критериев в Постановлении пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 позволит снизить вероятность произвольного отказа в удовлетворении ходатайств на основании субъективной оценки судами достаточности частичного возмещения вреда.

Таким образом, формулирование и закрепление единых подходов при оценке исполнения осужденным обязанности по возмещению ущерба повысит качество и предсказуемость судебных решений, будет способствовать реализации принципов справедливости, гуманизма и индивидуализации уголовного наказания.

В целях дальнейшего совершенствования механизма применения условно-досрочного освобождения особого внимания заслуживает проблема установления сроков повторного применения данного института в отношении осужденных, у которых ранее данная мера была отменена в период оставшейся неотбытой части наказания по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 79 УК РФ. Так, согласно п. «в» ч. 3

ст. 79 УК РФ условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным: не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также двух третей срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным ч. 7 настоящей статьи.

Однако действующая редакция ст. 79 УК РФ не содержит необходимой степени дифференциации при установлении сроков повторного применения в зависимости от характера и тяжести нарушения, повлекшего отмену условно-досрочного освобождения. Такое нормативное регулирование снижает эффективность реализации принципа индивидуализации наказания и препятствует реализации стимулирующей функции рассматриваемого института.

Значительный интерес при изучении данного вопроса представляет опыт Республики Казахстан, где предусмотрен дифференцированный порядок повторного применения условно-досрочного освобождения в зависимости от конкретных оснований его отмены. Так, согласно подп. 3, 4 ч. 3 ст. 72 Уголовного кодекса Республики Казахстан [9] повторное условно-досрочное освобождение может быть применено лишь после фактического отбытия не менее двух третей или трех четвертей назначенного срока наказания, при этом конкретный объем отбытого наказания напрямую зависит от оснований отмены предыдущего. Данная модель демонстрирует высокую степень логической последовательности и правовой определенности, отражая разумное соотношение между степенью общественной опасности поведения осужденного и применением мер уголовно-правового характера.

С учетом позитивного опыта Республики Казахстан, а также необходимости реализации принципов индивидуализации наказания, стимулирования пра-

вопослушного поведения и в целом предупреждения совершения новых преступлений представляется обоснованным внести аналогичные изменения и в российское уголовное законодательство. Предлагаемая корректировка ч. 3 ст. 79 УК РФ заключается в следующем: в п. «в» ч. 3 ст. 79 целесообразно заменить слова «предусмотренным частью седьмой настоящей статьи» на «предусмотренным пунктами “а”, “б” части седьмой настоящей статьи», тем самым конкретизируя основания применения повышенного минимального срока отбытия наказания. В свою очередь, пункт «г» указанной части следует дополнить словами «, а также лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным пунктом “в” части седьмой настоящей статьи» [10, с. 95].

Реализация данного подхода позволит устранить существующие пробелы правового регулирования, повысить предсказуемость и обоснованность принимаемых судебных решений, а также будет способствовать достижению целей наказания, в первую очередь исправлению осужденного и профилактике повторных преступлений. Более глубокая правовая дифференциация сроков применения условно-досрочного освобождения в зависимости от оснований его отмены обеспечит надлежащий баланс между защитой интересов общества и реализацией гуманистических начал уголовного закона.

Таким образом, действующая система оснований для применения условно-досрочного освобождения требует теоретической и нормативной доработки с учетом положительного зарубежного опыта, направленной на повышение степени индивидуализации уголовного наказания, обеспечение его справедливости и достижение основных целей – исправления осужденного, предупреждения повторной преступности и восстановления социальной справедливости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 10.06.2025).
2. Селиверстов В. И., Грушин Ф. В., Лядов Э. В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика в отношении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 76–84.
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 – 1 полугодие 2025 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 19.01.2026).
4. Мяханова А. Н. К вопросу о критериях условно-досрочного освобождения: анализ балльной системы оценки исправления осужденных в Китае // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17, № 4. С. 521–528.
5. Лун Чанхай, Коробеев А. И., Чучаев А. И. Уголовный кодекс КНР: совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 3 (136). С. 128–142.
6. Карабанова Е. Н., Парфенова М. В. Право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 2 (40). С. 87–92.
7. Сморгачев А. И., Симагина Н. А. Возмещение вреда, причиненного преступлением, при условно-досрочном освобождении и интересы потерпевшего // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4 (49). С. 131–134.
8. Проценко Н. Ю. Проблемные вопросы применения условно-досрочного освобождения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 2 (63). С. 142–146.
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=1395;-58#pos=1395;-58 (дата обращения: 01.07.2025).

10. Гарибян К. К. Пути совершенствования формального основания условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15 ноября 2023 г.). М., 2024. С. 93–96.

REFERENCES

1. *Sudebnaya statistika Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF* [Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/15/s/13> (accessed June 10, 2025).
2. Seliverstov V. I., Grushin F.V., Lyadov E.V. The criminal law and penal policy in relation to parole. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2021, no. 469, pp. 76–84. (In Russ.).
3. Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for 2020 – 1st half of 2025. *Ofitsial'nyi sait Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF* [Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <https://cdep.ru/?id=79> (accessed January 19, 2026).
4. Myakhanova A.N. On the issue of criteria for parole: analysis of the point system for assessing the correction of convicts in China. *Ugolovno – ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 521–528. (In Russ.).
5. LONG Chang Hai, Korobeev A.I., Chuchaev A.I. The Criminal Code of the People's Republic of China: the improvement in the process of implementation (to the 20th anniversary of its adoption). *Lex Russica = Russian Law*, 2018, no. 3 (136), pp. 128–142. (In Russ.).
6. Karabanova E.N., Parfenova M.V. The right of victim to compensation of the harm caused by crime. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2014, no. 2(40), pp. 87–92. (In Russ.).
7. Smorchkov A.I., Simagina N.A. Compensation for damage caused by the crime under release of parole and the interests of the victim. *Vestnik Vladimirskegogo yuridicheskogo institute = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2018, no. 4 (49), pp. 131–134. (In Russ.).
8. Protsenko N.Yu. Problematic issues of the application of conditional early release. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, 2024, no. 2 (63), pp. 142–146. (In Russ.).
9. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 3 iyulya 2014 goda* [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan of July 3, 2014]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=1395;-58#pos=1395;-58 (accessed July 1, 2025).
10. Garibyan K.K. Ways to improve the formal grounds for parole from serving a sentence. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya ugolovnogo zakona: sbornik materialov XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, 15 noyabrya 2023 g.* [Actual problems of theory and practice of criminal law application: collection of materials of the XI International scientific and practical conference, Moscow, November 15, 2023]. Moscow, 2024. Pp. 93–96. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КАМО КАМОЕВИЧ ГАРИБЯН – научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, лицо, прикрепленное к Российскому государственному университету правосудия имени В. М. Лебедева для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Москва, Россия, kamo.garibyan@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7547-3641>

КАМО К. GHARIBYAN – Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Degree Seeking Applicant at the Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russia, kamo.garibyan@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7547-3641>

Статья поступила 27.08.2025